

Balinchenko S.P.

Bukovyna State University of Finance and Economics

COGNITIVE MAPPING OF TOTALITY COUNTERACTING WAYS IN THE MODERN INTEGRATIONAL PROCESSES

Summary

The article reveals a set of social-philosophical, ethical, ontological and axiological dimensions of totalitarian model and totality analysis, which can be found in European philosophers' investigations. Particular focus is placed on the problems of justice, suffering, duty, and patriotism in the context of dialogical unity and argumentative discourse being the priorities. The modern socio-cultural space is taken into account as well.

Keywords: totality, otherness, strategic interaction, communicative interaction, integration.

УДК 13

ИМПЕРАТИВ ЛЮБВИ В ВИЗАНТИЙСКОМ БОГОСЛОВИИ

Кононенко Т.В.

Буковинский государственный финансово-экономический университет

В статье содержится анализ проблемы любви в византийском богословии, в частности, учениях Каппадокийских отцов, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. Любовь рассматривается в контексте обожения и спасения. Это своеобразный мост через онтологическую пропасть, лежащую между творцом и творением, путь к соединению и преобразению всего сущего, бессмертию. Анализируется положение о необходимости сублимации человека, соответствия статусу истинного христианина. В качестве образца исследуется монах-подвижник.

Ключевые слова: византийское богословие, свобода, любовь, спасение, обожение, монашество.

Постановка проблемы. Любовь – фундаментальная потребность, ценность человека, от которой зависит его полноценное развитие, реализация личностного и творческого потенциала. Это основа диалогических отношений, которая обеспечивает полноту, содержательность и гармоничность жизни. В любви человек культивирует уважение, понимание, сочувствие, что способствует гуманизации общественных отношений, стимулирует созидательные тенденции во всех сферах жизнедеятельности.

Следует заметить, что сегодня философия любви является актуальным и перспективным направлением, которое не только актуализирует проблемы экзистенциального порядка, но и предлагает путь их эффективного разрешения.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы нравственного совершенствования, духовности находятся в центре внимания Т.Г. Аболиной, Д.С. Берестовской, Ф.В. Лазарева. Свое видение любви, ее места в истории философии предлагают В.А. Малахов, В.Э. Туренко. Особо следует выделить работы Н.В. Хамитова и С.А. Крыловой в области метаантропологии и андрогин-анализа. Проблема пола и гендера представлена в работах О.Е. Гомилко, В.И. Жулай, В.А. Суковатой.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Как правило, проблема любви рассматривается довольно узко – в контексте проблемы пола. Недостаточно разработанными являются линии соотношения базовых ценностей (свободы и любви), аксиологической наполняемости любви (компоненты, их определение и анализ), сублимации любви (стадии развития). Дискуссионными остаются вопросы понятийного аппарата.

Формулирование целей статьи. Целью статьи является анализ проблемы любви в византийском

богословии, в частности, учениях Каппадокийских отцов, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника.

Изложение основного материала. Христианство формирует новую антрополого-аксиологическую модель, новое понимание природы и сущности человека, его места и роли в мире. Святой Апостол Павел определяет три фундаментальных основы: «... вера, надежда, любовь; но любовь из них больше [1 Кор. 13:13]». Любовь возводится на высший уровень, идентифицируется с Богом: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем [1 Ин. 4:16]». Принципиальное положение: христианская любовь тотальна. Любовь к Богу предполагает любовь к миру, в свою очередь, любовь к миру – любовь к Богу. Как справедливо отмечает С.С. Хоружий [5], за этим стоит глубокая мистическая диалектика и внутренняя борьба, поскольку и в одной, и в другой любви имеются тенденции к самозамыканию. Двудеиная любовь – к Богу и миру – призвана соединить все сущее, восстановить изначальную целостность, даровать спасение и бессмертие.

Смысл – не пассивное созерцание божественной сущности, а активное восхождение любви. Новый Завет призывает любить и ближнего, и дальнего, и друга, и врага. Христианская любовь не знает предпочтений и исключений. Десять заповедей Ветхого Завета теряют свою актуальность в Новом Завете: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

да будете сынами Отца вашего Небесного... [Мф. 5:38-45].

Одними из первых проблему любви акцентируют Каппадокийские отцы. Василий Великий формирует идеальную монашескую общину, где должны укрепиться разорванные в миру узы любви, осуществиться жизнь по образу Святой Троицы. Он говорит об общем – любовном – пути соединения с Богом монахов-братьев. В толковании на Песнь Песней Григорий Нисский пишет: «Вы, которые, по совету Павла, как нечистого какого одеяния, совлеклись «ветхого человека с деянми» и похотями «его» (Кол. 3, 9) и чистотою жизни возложили на себя светлые одежды Господа, какие показал Он на горе преображения, лучше же сказать, облечены в Самого Господа нашего Иисуса Христа, в Его ризу – любовь, и сообразуетесь Ему в бесстрастии и во всем Божественном, выслушайте тайну Песни песней, войдите во внутренность чистого брачного чертога, убеленные чистыми и нескверными мыслями, чтобы кому-либо, привлекая за собою страстный и плотский помысл, и не имея на себе одеяния совести, приличного Божественному браку, не быть связанным собственными своими помыслами, и чистые гласы Жениха и невесты низведя до скотских и неразумных страстей, а чрез них, покрыв себя срамными представлениями, не быть изверженным из сонма веселящихся на браке, радость брачного чертога обменяв на скрежет зубов и на плач. О сем свидетельствую, намереваясь коснуться таинственного торжества, изображенного в Песни песней. Ибо описанными здесь действиями душа некоторым образом уготовляется в невесты для бесплотного, духовного и невещественного сочетания с Богом. «Иже всем хощет спастися и в разум истины прийти» (1 Тим. 2, 4), указывает здесь самый совершенный и блаженный способ спасения, именно посредством любви [1]». В желании Бога любовь человека становится все ненасытнее. Поэтому возлюбленная Песни Песней достигает своего возлюбленного в сознании того, что восхождение не имеет границ, что блаженство есть бесконечное продвижение по бесконечному пути.

В четвертой главе послания «О божественных именах» [4] о любви рассуждает Псевдо-Дионисий Ареопагит. Он рассматривает имя «Любовь» в одной связке с именами «Добро», «Свет», «Красота», «Экстаз» и «Рвение». Богословы, как отмечает Псевдо-Дионисий Ареопагит, решительно выделяют из всех божественных именовании «Добро», или «Благость». Добро, благость – само богоначальное бытие, благодаря которому возникает и существует все сущее. Все происходит из и по причине добра: и ангельский, и человеческий, и животный, и растительный миры, оживляется и одушевляется, представляет собой сущность. Добро – превыше всего. В нем безжизненность – «превысочайшая жизнь», безсущность – «чрезмерность сущности», безумие – «превысочайшая премудрость». Оно – «избыточествующее придание вида безвидному». Из добра-источника все возникает, в добро-предел все возвращается.

Бог являет собой свет, красоту и любовь. Псевдо-Дионисий Ареопагит подчеркивает: Бог сам по

себе вечно пребывает прекрасным и вокруг себя постоянно источает прекрасное. Одновременно он – причина и источник всего прекрасного. «Ведь в простой сверхъестественной природе всяческой красоты всякое очарование и все прекрасное единовидно предсуществует как в причине. Из этого Прекрасного всему сущему дано быть прекрасным в соответствии с собственным логосом; и благодаря Прекрасному происходит сочетание, любовь и общение всех; и все объединяется Прекрасным; и Прекрасное есть Начало всего, как творческая Причина, все в целом и движущая, и соединяющая любовью к собственному очарованию; Оно и Предел всего, и Возлюбленное – как доводящая до совершенства Причина, ибо ради Прекрасного все появляется; и Образец, ибо в согласии с Ним все разграничивается. Потому и тождественно Добру Прекрасное, что по всякому поводу все стремится к Прекрасному и Добру, и нет ничего такого в сущем, что не было бы причастно Прекрасному и Добру [4]». Все сущее возникает из добра и красоты, пребывает в добре и красоте, возвращается в добро и красоту. Все несущее – сверхсущностно в добре и красоте. Существует начало и предел всего – сверхначальное и сверхпредельное: «... все из Него, Им и к Нему [Рим. 11:36]».

Бог творит и совершенствует все сущее. Любовь не позволяет бесплодно пребывать в себе, подвигает действовать. Византийский богослов отмечает, что не стоит бояться имени «Любовь», что богословие «поет», используя образ любви. Большинство не может вместить объединяющей силы божественной любви. Поэтому имя «Любовь» и кажется неприменимым для обозначения сущности Бога. Любовь всегда направлена вовне. Это соединяющая, связывающая сила, подвигающая равных общаться друг с другом, высших заботиться о низших, опустившихся вниз обращаться к пребывающим сверху. Она побуждает любящих принадлежать любимым. Сам Бог по избытку любовной благодати оказывается за пределами самого себя, нисходит из запредельного состояния. Его безначальная и бесконечная любовь проявляется как вечный круг, по которому из добра, в добре, посредством добра и в добро совершается постоянное движение.

Четыре сотни глав о любви, равночисленные четырем Евангелиям, пишет Максим Исповедник. «Любовь есть благое расположение души, в соответствии с которым она ничего из сущего не предпочитает ведению Бога. Но навык такой любви невозможно приобрести тому, кто имеет пристрастие к чему-либо земному.

Любовь порождается бесстрашием, бесстрашие – упованием на Бога, упование – терпением и великодушием, они – всеобъемлющим воздержанием, воздержание – страхом Божиим, а этот страх – верой в Господа [3, с. 97]». Эти положения перекликаются с одним местом у Евагрия Понтийского: «Любовь есть отменное состояние разумной души, которая, находясь в таком состоянии, не может дорожить какой-либо из тленных вещей более ведения Бога [3, с. 266]». Нет ничего выше любви к Богу. Необходимо служить творцу, а не творению. Поэтому и блажен человек, который преодолевает все сущее и услаждается божественной красотой.

В аскетической литературе преодоление означает освобождение от страстей. По Евагрию Понтийскому, любовь есть «отпрыск» бесстрастия. Согласно Максиму Исповеднику, страсти бывают телесными и душевными. Первые пресекаются воздержанием, вторые – любовью. Путь к Богу проходит через чистое тело и чистую душу: «Не оскверняй плоть

свою срамными деяниями и не пачкай душу лукавыми помыслами: и мир Божий снизойдет на тебя и принесет любовь [3, с. 100]». Страдание и смирение освобождают от всякого греха. Соответственно, страдание – от греха телесного, смирение – от греха душевного. Бесстрастие – это безмятежное состояние, пребывая в котором человек становится причастником божественной любви и божественного ведения.

В православии ведение, или гносис, неотделимо от любви. В первую очередь, это духовное познание, которое коренится в сердце человека как живой опыт общения с Богом. «Когда [ум] оказывается в Боге, то он, воспламеняемый любовным томлением, прежде всего взыскует логосы, которые окрест сущности Его, но не находит утешения, [познавая] то, что в Боге, ибо это невозможно и непосильно для всякого тварного естества. Поэтому [ум] утешается тем, что окрест Бога, – я имею в виду утешается тем, что относится к Вечности, Беспредельности и Бесконечности [Божией], а также относящимся к Благодати, Премудрости и Силе [Его], творящим сущие, промыслительно управляющим [ими] и судящим [их]. «В Нем совершенно постижимо сие одно – Его беспредельность», и само ведение Его есть ведение, превосходящее ум, как сказали некогда мужи-богословы: Григорий и Дионисий [3, с. 106-107]».

Истинным причастником божественной любви и божественного ведения является монах. В своих сочинениях Максим Исповедник рисует идеальный образ монаха-подвижника. Традиционно для святоотеческой литературы он сравнивает монашескую жизнь с ангельской: «Любящий Бога живет на земле ангельской жизнью, постясь, бодрствуя, поя псалмы, молясь и о всяком человеке всегда думая добро [3, с. 100]». Дела любви суть: сердечное отношение, попечительство над ближними и дальними, великодушие, благоразумие и терпение. Монах-подвижник ведет постоянную борьбу с бесами страсти и искушения. Он принимает на себя воздержание, пост, труд, безмолвие и молитву. Наградой за воздержание выступает бесстрастие, за веру – ведение. Максим Исповедник разграничивает «внешнего» и «внутреннего» человека. «Внешнего» человека сравнительно легко сделать монахом. Для этого необходимо отречься от мирских вещей, уйти в монастырь. «Внутренний» же человек делается монахом лишь при отречении от страстных мыслей о себялюбии, чревоугодии, блуде, сребролюбии, любостыжании, тщеславии и гордыне. Это требует героизма и подвижничества. Такая позиция характерна для всего византийского богословия. К примеру, Симеон Новый Богослов определяет монаха как того, кто не смешивается с миром и непрестанно беседует с Богом. Григорий Палама говорит о трудной достижимости божественной любви для мирского человека, раздвоенного между землей и небом, плотью и духом. Только монах, побеждая эту раздвоенность, преобразует свой ум и обретает всю полноту божественной любви.

Преподобный Максим Исповедник выделяет два состояния молитвы. Одно – от страха и благой надежды, другое – от любви и высшей чистоты. Признаками первого состояния являются: собиравание ума, удаление от мирских мыслей, творение сосредоточенной молитвы. Второе состояние – это озарение божественной любовью, при котором монах утрачивает ощущение реального мира и воспринимает чистые образы Бога. Подвижник, который успешно проходит путь делания, преуспевает в благоразумии, различает добродетель и порок.

Подвижник, который успешно проходит путь созерцания, преуспевает в ведении, причаствует логосам телесных и нетелесных сил. Благоводит же он удостоивается лишь тогда, когда, пройдя любовь через все названное, оказывается в Боге, приобщается, насколько это возможно, к таинству Святой Троицы. Как тело, умирая, отделяется от всего жизненного, так и ум, умирая при высшем состоянии молитвы, отторгается от мирских мыслей. Подобная смерть – обязательное условие жизни в Боге. Необходимо сочетать делание и созерцание. Первое иссушает страсть, второе окрыляет и воспаряет к Богу ум.

Богослов акцентирует три главных нравственных состояния монаха: не грешить делом, не задерживать в душе страстные помыслы и в бесстрастии ума взирать на лики женщин и обидчиков. Достигший высшего бесстрастия, совершенный в любви не ведает различий между своим и чужим, верующим и неверующим, свободным и несвободным, мужским и женским полом. Он взирает на единое человеческое естество, равно расположен ко всем. Совершенная любовь означает именно равную любовь ко всем людям. Монах «расширяет» себя до идеала новозаветной любви: добродетельного человека прославляет, «ходящего во тьме» милует и воспитывает. Он исходит из того, что сам Иисус Христос молится и просит прощения за своих убийц. «Старец ответил: «Невозможно кому-либо возлюбить мучающего [его], если он лишь мнимо отрекся от вещества мира и подлинно не познал намерение Господа. А если он будет в силах познать прощающего Господа и поспешит последовать Ему, то сможет от всего сердца возлюбить ненавидящего и терзающего [его], как [то делали] Апостолы, познавшие и возлюбившие [Бога]» [3, с. 78]».

Любовь – это своеобразный мост через онтологическую пропасть, лежащую между творцом и творением. Она очеловечивает Бога и обоживает человека. Византийские богословы акцентируют связь воплощения и обожения. Человек восходит к Богу при условии нисхождения Бога к человеку. Божественная любовь постоянно питает мир. Уже изначально Бог вкладывает в человека ответную любовь, которая, вследствие еще одного дара – свободы, заглушается любовью к миру. Через Иисуса Христа, который принимает человеческую плоть, претерпевает страдание и смерть, Бог напоминает о любви, показывает пример истинной любви.

Спасение – онтологическая установка, онтологическая трансформация. По точному замечанию С.С. Хоружего [5], это, в первую очередь, реализация твари, достижение всей возможной полноты. Этим спасение отличается от других установок, к примеру, справедливости, счастья. Последние не являются онтологическими установками, не предполагают изменение бытийного статуса. В вопросе спасения антропология не обходится без теологии. С.С. Хоружий определяет теологию как «код антропологии». Воплощение – необходимая онтологическая предпосылка спасения. Именно в силу воплощения спасение и становится возможным. В Адаме начинается конечный модус тварного бытия, в Иисусе Христе – бесконечный: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... [1 Кор. 15:22]». Подчеркиваем еще раз: христианская сотериология исходит из двух единств. Первое – единство всего тварного мира. Человек спасается вместе со всем мирозданием. Второе – единство человека, его тела, души и духа. В спасении равно участвуют все составляющие части.

Безусловно, в христианстве любовь есть сущность и Бога, и человека. Иустин Попович подчеркивает: «Бог – любовь: это первая и главная новость христианства, а вторая – человек это любовь. Без любви Бог не Бог, без любви и человек не есть человек. Любовь делает Бога Богом и человека человеком. Без любви Бог – ничто, во всяком случае для измученных жителей нашей планеты. Без любви и человек – ничто. Человеческая личность сильна только любовью и в любви, ибо любовь – сущность, содержание и стержень личности [2]». Однако человек имеет право на альтернативный выбор и богооставленность. Смысл его бытия непосредственно связан со свободой и грехом. На наш взгляд, модальными пределами христианства выступают не столько «Бог – Дьявол», сколько «Бог – Человек», «Божественная Личность – Человеческая Личность». Власть Бога над человеком осуществляется как выраженный в заповеди приказ (Ветхий Завет) и приглашение к любви (Новый Завет). Одна воля противостоит другой. Как следствие, человек может ослушаться. Созданный по образу и подобию, в отличие от других существ, которые не могут утратить свой небожественный образ, он сам разрушает свое богоподобие, двигается от избранничества к отверженности и обратно.

Выводы из данного исследования и перспективы. Сегодня христианство предлагает по-прежнему убедительное мировоззрение, в основе которого на-

ходится синтез свободы и любви, свободной любви к человеку, миру и Богу. Оно исходит из более высокого видения свободы, чем свобода «от» ограничения и насилия, – свободы «для» полной реализации собственного «Я» в триединой любви. Любовь связывает воедино сферы онтологии, гносеологии, аксиологии, этики и эстетики. Это единственная связь между творцом и творением, путь Бога к человеку и человека к Богу. В гармоничном и творческом взаимодействии, или синергии, каждый может найти для себя ответы на вопросы о природе и сущности человека, ценностях и смысле жизни.

Еще раз заметим, что комплексный анализ любви, исследование историко-философских аспектов становления и развития философии любви, изучение аксиологической структуры любви имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение. Акцентирование данной проблематики способствует определению причин и следствий кризиса традиционных христианских ценностей, путей выхода из антропологического и аксиологического кризиса. Дальнейшее исследование аксиологических модальностей – «экзистенции-в-любви» и «экзистенции-вне-любви», причин деструкции человека, трансформации свободы в искушение, бунт и вседозволенность имеет значение для формирования и утверждения гармоничной личности, нацеленной на сизигическое соединение со всем сущим.

Список литературы:

1. Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона / Григорий Нисский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://agios.org.ua/wiki/Григорий_Нисский.
2. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве / Иустин (Попович). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.golden-ship.ru/load/i/iustin_popovich/dostoevskij_o_evrope_i_slavjanstve_iustin_popovich/241-1-0-678.
3. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты / Максим Исповедник ; [пер. с др.-греч., вступит. статья и комм. А. Сидоров]. – М. : Мартис, 1993. – 354 с. (14 с. доп.). (Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Святоотеческое наследие, т. 1).
4. Псевдо-Дионисий Ареопагит. Корпус ареопагитикум. О божественных именах / Псевдо-Дионисий Ареопагит. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://krotov.info/acts/05/antolog/page18.htm#01> – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/05/antolog/page19.htm>.
5. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы / С.С. Хоружий. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 352 с.

Кононенко Т.В.

Буковинський державний фінансово-економічний університет

ІМПЕРАТИВ ЛЮБОВІ У ВІЗАНТІЙСЬКОМУ БОГОСЛОВ'І

Анотація

У статті міститься аналіз проблеми любові у візантійському богослов'ї, зокрема, навчаннях Каппадокійський отців, Псевдо-Діонісія Ареопагіта та Максима Сповідника. Любов розглядається в контексті обоження та спасіння. Це своєрідний міст через онтологічну прірву, яка лежить між творцем і творінням, шлях до з'єднання та преображення всього сущого, безсмертя. Аналізується положення про необхідність сублимації людини, відповідності статусу справжнього християнина. Як зразок досліджується чернець-подвижник.

Ключові слова: візантійське богослов'я, свобода, любов, спасіння, обоження, чернецтво.

Kononenko T.V.

Bukovyna State University of Finance and Economics

LOVE IMPERATIVE IN BYZANTINE THEOLOGY

Summary

The article contains the analysis of the problem of love in Byzantine theology. In particular, it dwells upon the conceptions of Cappadocian Fathers, Pseudo-Dionysius Areopagite and Maximus the Confessor. Love is regarded in the context of Theosis and salvation. It is considered to be a bridge across the ontological abyss between the creator and a creation; the way lies towards unity and transformation of all existing matters and therefore eternity. The issue of human sublimation necessity is viewed, as well as that of correspondence with the status of a true Christian. There is investigated the monk-hermit pattern.

Keywords: Byzantine theology, freedom, love, salvation, Theosis, monkhood.